

Сентябрь 1991 г.

Путчевые заметки

Ежедневно открываются все новые и новые факты, свидетельствующие о том, что путч был обречен еще до того, как начался. Его не принял народ, не поддержала армия (народ и армия едины!). Не поддались на провокацию многие сотрудники МВД и КГБ, включая и генералов, стойко повел себя дипломатический корпус, не паниковали Советы на местах, народные депутаты всех уровней звонили в Москву и требовали объяснений, рядовые коммунисты возмущались, наконец, не одобрил переворот и Комитет конституционного надзора... И только кучка одиозных, зарвавшихся политиканов-авантюристов, воспользовавшись сложным моментом и просто крепким летним сном граждан, в ночь с воскресенья на понедельник взяла да и захватила власть в самой большой в мире стране.

* * *

20 августа утром я находился на подъезде к Москве. Всю ночь перед этим мы беседовали с соседом по купе – грузином, который все время твердил: «Что будет теперь с Грузией?» – и не были уверены, что поезд вообще дойдет до Москвы. Находясь в пассивном состоянии, в каком обычно бывает пассажир, оставалось лишь слушать радио. Среди официальных сообщений ГКЧП и вестей «о спорте», передаваемых ежечасно по радио, утешительного было мало. Но одно сообщение подавало надежду: это сообщение о том, что пять шахт Воркуты заявили о непризнании ГКЧП и объявили забастовку. Причем в забастовку включились шахтеры шахты Воргашорской, не бастовавшие даже в самый разгар шахтерских стачек.

Это было передано утром 20 августа на всю страну. И надо полагать, что страна это услышала. Для меня именно это сообщение о забастовке шахтеров стало самым важным, и поэтому именно их я считаю своими героями. Надо вернуться назад и представить, сколь важным оказалось это сообщение для миллионов людей, не знавших ещё ни о заявлениях Ельцина, ни о противодействии военных, ни об активизации москвичей. Действия шахтеров для многих оказались главным критерием: как поступать дальше?

Почему-то в бесконечных теле- и радиопередачах, посвященных событиям 19-21 августа, в депутатских речах (союзных и российских), в статьях никто уже и не вспомнит о шахтерах, сразу же и однозначно определившихся в своих действиях.

* * *

22 августа во второй половине дня на площади имени Дзержинского экзальтированные москвичи и гости столицы приступили к свержению памятника Железному Феликсу. Попытки опрокинуть четырнадцатитонную громадину революционным способом окончились неудачно, энтузиазма толпы оказалось недостаточно, и создалась довольно пикантная ситуация, поскольку символические моменты в исторические времена (а в том, что это момент исторический, никто не сомневался) играют важную роль. Народ очень правильно сделал, что не разошелся до тех пор, пока не сняли памятник. Правда, для этого понадобилось вмешательство таких прозаических средств, как специалисты и техника, а народ ограничился лицезрением.

Так вот, пока не подошла техника, люди не расходились, обсуждали происходившее, шумели и приветствовали попытки накинуть тросовую петлю на шею Феликсу. В это же время шла пресс-конференция освобожденного из плена Президента СССР, трансляцию которой я слушал по транзисторному приемнику, привлекая внимание окружающих. Один из толпы, приветствовавшей отчаянного молодого человека, забравшегося Дзержинскому на голову (парень войдет в историю), услышав из моего

транзистора голос Горбачева, повернулся и с большим удивлением произнес:

— А чего это Горбачев выступает, ведь его Янаев арестовал?

Услыхав это, я и еще пара человек едва не упали: все, что происходило вокруг, — митинги, демонстрации, свержение памятника, — для этого человека ассоциировалось и было связано с действиями ГКЧП, который и дал вот эту долгожданную свободу. Мы переглянулись и пошли прочь.

* * *

Возвращение Президента СССР из плена и первое появление «на людях» ожидалось особенно: что ж теперь он нам скажет? Однако его неубедительные ответы на первой пресс-конференции и абсолютное непонимание того, что произошло в его отсутствие, раздражало даже его последовательных сторонников. Это навело на мысль (первым её высказал Отто Рудольфович Лацис в «Известиях»), что президент просто не успел осознать, что возвратился в другую страну.

Хотелось бы, конечно, чтобы наша страна стала другой, и нам всем оставалось бы изменить лишь (сделать другим) своего Президента Михаила Горбачева. Увы, страна наша — та же, и время наше — то же, и проблемы те же. И вновь будет беда, если кто, Горбачев ли, Ельцин, хотя бы на минуту об этом забудут, представят, что начинается новая эра, новая эпоха без большевизма, без коммунизма; горе, если будут игнорировать или недооценивать проблему глубоко укоренившейся в народе *«человеческой тяги к равенству»* (М.Гефтер).

«У нас в Елабуге переворота не было ни 19-го, ни 22-го, ни 28-го, — говорит житель провинциального города, — нечему было переворачиваться».

* * *

Все, что происходит не в Москве, — бунт и провокация; то, что в столице, — революция или государственный переворот.

Защитников Дома Правительства России возмущало то, что республики в достаточно сдержанной форме отреагировали на захват власти ГКЧП, что Назарбаев и его коллеги-президенты не выступили против путчистов в такой же категорической форме, как это сделал президент РСФСР.

Но ведь и москвичи во главе с Ельциным не бросились в атаку на оплот тоталитаризма — Кремль, не свергли памятники, не опечатали здания КПСС, не закрыли реакционные печатные издания, не арестовали министров-преступников, не обуздали КГБ, не реформировали армию, не прогнали Кравченко, не распустили Верховный Совет СССР, не устроили траур по убиенным — после событий в Тбилиси, Вильнюсе, Баку... хотя количество жертв там было куда большее и крови пролилось намного больше.

И сколько бы ни напоминали: «Не спрашивай, по ком звонит колокол», — понадобилась аналогичная ситуация непосредственно в Москве, кровь, жертвы и страх за себя, за своих близких, чтобы всерьез взяться за дело.

* * *

Многие более и менее известные в стране люди в своих послепутчевых интервью или статьях не забывают рассказать, где именно они находились с 19 по 21 августа, как решительно включились в борьбу с ГКЧП и какой вклад внесли в общую победу. Примечательно, что практически все они были уверены в том, что арестуют в первую очередь именно их: сразу в аэропорту (Коротич), или по пути с дачи (Петраков), или прямо дома (Бесмертных), — можете продолжить сами и включить в список себя, если такие опасения были. Вероятность ареста прямо пропорциональна важности персоны, её политическому значению и весу. Даже генерал Громов, первый заместитель Пуго, в интервью телевидению 8 сентября сообщил, что лично сдерживал войска МВД от ввода их в Москву: герой Афганистана теперь еще и

герой Москвы. А бывший член Президентского совета Вениамин Ярин ждал своего ареста в Кремле (ведь не могли же путчисты не арестовать его, Ярина). Не дождавшись, однако, ареста, Ярин вышел из своего кабинета, прошел по коридору метров тридцать и арестовал Янаева (запер в его кабинете). Такова диалектика – *кто кого*.

Когда после подавления путча обнаружили списки деятелей, которых предстояло арестовать в первую очередь, многие были разочарованы, не обнаружив в них свое имя.

Напротив, те, кто удостоился чести быть в списке предполагаемых арестантов (интернированных), испытали законное чувство удовлетворения.

* * *

Одно из достоинств победы демократии над путчистами – выход на арену молодого поколения. При этом надо отдать должное и тем, кого часто именуют «шестидесятниками».

Отзвуки революции и влияние героики отцов, война, голод, нищета, репрессии (это же все на их глазах), смерть Сталина, XX съезд КПСС, хрущевская «оттепель», октябрьский Пленум, 1968 год, годы застоя, апрель 1985 и новые (кажется, последние) надежды...

Люди, включенные в эти глобальные процессы, не абстрагирующиеся от них, а, напротив, стремящиеся себя в этих процессах реализовать, были обречены на такие переоценки ценностей, на такие потрясения, которые не могли не сказаться на их мироощущении и психике. Да простят меня эти люди, среди которых мои старшие друзья и учителя, но классический «шестидесятник» — это социальный урод, это сгусток самых невероятных противоречий и душевных парадоксов, которые невозможно понять новому поколению.

Жизненные перипетии привили им фатализм и апокалиптичность. Понимая, что возврат назад для них — конец, они тем не менее всегда допускали его возможность. Именно это позво-

лило московским «шестидесятникам» быть готовыми к перевороту и немедленно отреагировать на него. (Я допускаю, что мысленно многие из них еще раньше «прорепетировали», как быть, если что). Возможно, что эта готовность стала первым камнем преткновения перед путчистами. И напротив, не дала силам демократии войти в губительный шок.

Скорее всего, августовские события – последний бой шестидесятников. Он завершился победой, *их победой* прежде всего. Закреплять эту победу и извлекать из нее плоды – дело нового поколения. И давайте, молодое племя, будем снисходительными к причудам «шестидесятников». Не забудем, что в том славном семейном подряде, который вытаскивал-таки репку, роль деда играли все же не мы.

* * *

31 августа Москва праздновала День города. Музыка, песни, пляски... На ступенях перед Белым домом Правительства России творческая интеллигенция страны давала концерт в честь победы демократических сил над силами реакции. Естественно, что и концерт был демократическим: тяжелый рок вперемешку с фольклорным ансамблем «Березка» и еврейским дуэтом. Лев Лещенко спел песню «День Победы», в которую сумел вложить эвристический смысл: на этот раз песня адресовалась защитникам демократии. Марк Захаров предал анафеме слово «товарищ» и воспел обращение «сударь». Ансамбль песни и пляски имени Александрова вместо «Калинки» и «Тальяночки» спел сначала «Славься», а затем финал кантаты Петра Чайковского «Москва» на слова Майкова:

*По Руси пошел стук и гром большой,
чтоб сковать себе броню крепкую,
броню крепкую не себе одной,
а что есть людей меж пяти морей,
чтобы жить им всем что одна семья...*

Вслед за этим еще один ансамбль пел частушки:

*Появился бэ-тэ-эр
у села Кукуева.
Ну куда же ты ползешь,
железяка... ржавая?*

Это наш российский праздник сразу же после победы сил демократии над путчистами.

* * *

Когда после долгого мрака вдруг вспыхивает перед глазами яркий свет – человек слепнет. Из привычного неведения он попадает в неведение непривычное. И, ослепший от избытка света, человек теряет даже те ориентиры, которые были у него до того. И он, теряя ориентиры, даже не может двигаться, но лишь беспомощно стоит, простирая руки, стараясь нащупать окружающие предметы и по ним определиться: *где он, как быть дальше?* Но их он не сможет ощутить сразу, к ним надо сделать шаг, а шаг этот сделать опасно, не чувствуя почвы под ногами. Тогда приходится опускаться на четвереньки, подчиняясь инстинкту самосохранения.

Это страшное ощущение: ты был только что зрячим с открытыми глазами, но не видел ничего из-за окружавшей тебя абсолютной тьмы. Теперь ты знаешь, что тьма рассеялась и есть возможность увидеть мир, но глаза твои видят не его, а лишь огненный шар да искристые круги... Ты все еще слеп!

Нужен только один доктор – время, чтобы организм привык, и только одно качество – терпение, чтобы не оступитья и не пропасть вовсе. После этого вернется и разум.

*«Магнитогорский рабочий»,
16 октября, 1991г.*